

ИССЛЕДОВАНИЯ

• БОГОСЛОВИЕ И ПАТРОЛОГИЯ

Д. И. Макаров

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ОБРАЗОМ ПАУКА В 23-М «ГИМНЕ БОЖЕСТВЕННОЙ ЛЮБВИ» ПРП. СИМЕОНА НОВОГО БОГОСЛОВА

В предлагаемой статье анализируется фрагмент из 23-го «Гимна Божественной Любви» св. Симеона Нового Богослова, посвященный описанию паука и его занятий. Выясняются переклички в трактовке образа св. Симеоном с речами свт. Григория Богослова и фрагментом Демокрита (154DK). Анализ паука и паутины, скорее всего, нужен автору для того, чтобы подчеркнуть, что Промысел Божий (вопреки Иоанну Италу и его единомышленникам) распространяется на все сущее.

Ключевые слова: *прп. Симеон Новый Богослов, «Гимны Божественной Любви», свт. Григорий Богослов, Промысл Божий, Иоанн Итал, Демокрит, образ паука, пчела.*

Исследования по христианской космологии и естествознанию в целом получили в последнее время достаточно широкое распространение в отечественной и зарубежной патрологии и истории философии¹. При

¹ Некоторые примеры из новейшей библиографии: *Св. Григорий Нисский. Об устройении человека / пер., посл. и прим. В. М. Лурье. СПб., 2000; Макаров Д. И. Антропология и космология св. Григория Паламы (на примере гомилий). СПб., 2003. С. 75–183; Куц Т. В. На закате империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013. С. 201–217; Она же. Природа в византийском письме // Кумуляция и трансляция византийской культуры. Мат-лы XI Научн. Сюзюмовских чтений. Екатеринбург, 2003.*

этом фокус внимания ученых по-прежнему остается, скорее, на макроуровне (что выражается в интересе к «глобальным» темам — таким, как сотворение мира Богом, дни творения, характер первичной материи и т. п.)². Однако наметилась позитивная тенденция и в изучении проблем «микроуровня». К ним относятся: трактовка отдельными христианами богословами тех или иных видов животных³; естественнонаучные категории и их роль в христологии⁴; история и происхождение тех или иных слов, связанных с естественнонаучной лексикой⁵. Нам бы хотелось продолжить эту тенденцию и предложить вниманию коллег небольшой (и в чем-то, может быть, неожиданный) этюд, посвященный

С. 53–54; Михайлов П. Б. Прп. Максим Исповедник о естественном созерцании // Он же. Категории богословской мысли. М., 2015. С. 81–91; Он же. Св. Василий Великий о познании Бога // Там же. С. 92–104, особ. 96–97; Callahan J. F. Greek Philosophy and Cappadocian Cosmology // DOP. 1958. Vol. 12. P. 29–57; La cultura scientifico-naturalistica nei Padri della Chiesa (I–V sec.). XXXV incontro di studiosi dell'antichità cristiana (4–6 maggio 2006). Roma, 2007. (Studia Ephemeridis Augustinianum, 101); Matula J. Filozofia prírody v období Nikajského cisárstva (1206–1261). Nikephoros Blemmydes a Theodoros II. Dukas Lascaris // "Přirozenost" ve filosofii minulosti a současnosti / ed. L. Chvátal and V. Hušek. Brno, 2008. S. 111–121. Из трудов, посвященных осмыслению природы в другие эпохи (из числа тех, что были богаты натурфилософской мыслью), см.: Жирмунский В. М. Немецкий романтизм и современная мистика. СПб., 1914. 18–20 сентября 2015 г. в Государственном университете аэрокосмического приборостроения (Санкт-Петербург) состоялась Международная историко-философская конференция «Горизонты естествознания восточнохристианского Средневековья», собравшая философов и патрологов из России, Великобритании, Дании, Болгарии, Чехии. Среди прозвучавших на ней докладов отметим: Бирюков Д. С. Об особенностях космологических воззрений св. Григория Паламы; Бей И. Космографический эксцентризм св. Григория Паламы.

² См., напр.: Бирюков Д. С. Представления в области естествознания и тема научного познания у Климента Александрийского в интеллектуальном контексте эпохи // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. СПб., 2013. Т. 14. Вып. 3. С. 109–117; Макаров Д. И. От меда поэзии — к Первоистоку. Взаимодействие античных и христианских элементов в риторических и философских произведениях Георгия Акрополита // Црквене студије. Ниш (в печати).

³ Ряд примеров см. в сб.: La cultura scientifico-naturalistica... См. ссылки далее.

⁴ Бирюков Д. С. Тема смешения физических тел в контексте христологических учений в патристике // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: Филология. Новосибирск, 2014. Т. 12. Вып. 4. С. 117–126.

⁵ Мурьянов М. Ф. С чего начиналась лексика морской фауны? // Он же. История книжной культуры России. Очерки: в 2 ч. Ч. I / сост. и вступ. ст. Т. А. Исаченко. СПб., 2007 (1986). С. 445–450.

Из наблюдений над образом паука в 23-м «Гимне Божественной Любви»...

трактовке образа паука в 23-м «Гимне Божественной Любви» св. Симеона Нового Богослова (ок. 949–1022).

Св. Симеон Новый Богослов, как поэт-мистик, вопрошает риторически:

Разве встретишь среди созданий
То, что Он не произвел бы?
Так и думай⁶ — вплоть до мошек
И паучьей паутины!⁷

Поэту вторит философ (приведем один из многих примеров), который увещевает своего читателя: познай мудрость Божию из природных — т. е. астрономических — явлений⁸. Как сошлись воедино материя и форма, в чем цель развития природы? В чем смысл возникновения и исчезновения разного рода сущих? Каковы свойства семенных логосов? Вот те проблемы, которыми нам и стоит заниматься⁹.

Но если для Акрополита (судя по тональности поставленных им вопросов) это и не очень ясно, то св. Симеон, несомненно, согласился бы с заключением современного ученого: «В свою очередь, чувственно воспринимаемая красота издавна рассматривалась как подступ к Божественному, как один из способов приближения к Богу»¹⁰.

Как же св. Симеон соединял в единое целое свое интегральное видение Бога, мира и человека — и представления о месте паука в этом мире? Зачем св. старцу понадобилось обращаться к образу паука? И возможно ли выделить в его интерпретации этого образа черты какой-либо новизны по сравнению с предшествовавшей ему традицией «арахноло-

⁶ Т. е. думай, что все произведено Богом.

⁷ *Syméon le Nouveau Théologien. Hymnes 16–40 / texte crit. par J. Koder; trad. et notes par L. Neyrand. Paris, 1971. (SC; 174). P. 202.197-200.*

⁸ *Georgii Acropolitae Λόγος δεύτερος περὶ τῆς ἐκ Πατρὸς τοῦ Ἁγίου Πνεύματος ἐκπορεύσεως // Idem. Opera / rec. A. Heisenberg, P. Wirth. Vol. II. Stuttgart: Teubner, 1978. (BSGRT). P. 51.18-22.*

⁹ *Ibid.* P. 51.24–52.1. Дата двух Слов Акрополита об исхождении Св. Духа — 1257–1259 гг. (PLP, 518). Вызывает интерес употребление византийским автором середины XIII в. понятия стойков и св. Иустина Философа «семенные логосы», но для склонной к архаике философско-богословской системы Акрополита это не столь уж удивительно (подробнее см.: Макаров Д. И. От меда поэзии...).

¹⁰ *Zografidis G. Is a Patristic Aesthetics Possible? The Eastern Paradigm Re-examined // SP. Leuven; Paris; Walpole, MA, 2013. Vol. LIX / ed. A. Brent and M. Vinzent. P. 123.*

гии» (если таковая в раннехристианскую и византийскую эпоху сформировалась)?

Прежде чем ответить на поставленные вопросы, отметим справедливость одного высказывания А. П. Каждана: «Осознанно или нет, но элементы образной речи образуют у Симеона систему, законченное целое. Образы из природной жизни относительно редки...»¹¹ Тем ценнее перевести и проанализировать соответствующий фрагмент, относящийся к теологии творения и вложенный в уста Самого Бога (как это нередко бывало у св. Симеона):

*Так и есть — до комара вплоть,
Паутины до паучьей!
Расскажи-ка Мне, откуда
У него такая пряжа (νῆμα)?
Он её не производит¹²;
Нити ж каждый день сплетает (ἔξυφαίνει),
Птицеловов всевозможных,
Рыболовов половчее
Разворачивает нити,
Их связует меж собою,
Под конец же посредине,
Словно сетку, выплетает
В воздухе свою ловушку.
А затем и сам, усевшись,
Жертву (τὴν θήραν) рьяно поджидает:
Вдруг какое из крылатых
Угодит случайно в сети?¹³*

Начнем с последнего из поставленных нами вопросов. Пчелами и муравьями восхищались еще Плиний Старший и св. Соломон (Притч 6. 6), а у Великих Каппадокийцев (свт. Василий Великий, Григорий Богослов) они стали «символами совершенного общества и образ-

¹¹ Kazhdan A. P. Das System der Bilder und Metaphern in den Werken Symeons des “Neuen” Theologen // Idem. Authors and Texts in Byzantium. Brookfield, Vermont: VR, 1993 (1982). XIII. P. 238.

¹² Имеется в виду — из какого-либо материала, внеположного себе.

¹³ SC. 174. P. 202.199-215.

Из наблюдений над образом паука в 23-м «Гимне Божественной Любви»...

цом для верующих»¹⁴. И именно у св. Григория Богослова мы находим ключевой фрагмент для понимания того, как христианскими мыслителями осмыслялись образы пчелы и паука¹⁵. Переведем ту часть фразы, в которой описывается паук и его занятия: «Откуда берется трудолюбие и изобретательность (φιλότεχνον) пчел и пауков, из которых <...> вторые из нитей (τῶν νημάτων) столь тонких, что [кажутся] почти воздушными, ткнут (ἔξυφαίνουσι) (вытягивая их тысячью способов) замысловатые сети (τοὺς ἰστοὺς) — и это из незримых начал! — [сети, каковые суть] одновременно и достойное жилище для самих пауков, и место охоты (θήραν) на слабейших, которых пауки употребляют в пищу?»¹⁶

Как отмечает К. Крими, при описании пчелиных сот свт. Григорий Богослов использует преимущественно «текстильный» словарь¹⁷. То же самое, в общем-то, справедливо и для вышеприведенного описания паука и его занятий. Возможно, по мнению итальянского ученого, богослов описывал пчел на базе собственных полевых наблюдений¹⁸ (вспомним, что свт. Григорий был крупным землевладельцем). Но не то же ли самое мы можем сказать и про св. Симеона Нового Богослова? Во-первых, пауки, надо полагать, в районе Константинополя и его окрестностей (принимая во внимание теплый климат) не были чем-то уникальным. Во-вторых, если уж этот образ св. Симеон и взял из святоотеческой (или иной?) литературы, то позаимствовал он его, скорее всего, у свт. Григория Богослова — любимого своего автора¹⁹ (хотя особых данных в пользу этой гипотезы у нас нет: всего лишь совпадение двух базовых слов из «текстильного» словаря (νημα и ἔξυφαίνω), да употребление (в разных значениях) существительного θήρα). Как отмечает Л. Баччи, глагол ἔξυφαίνω встречается еще в одном месте проповедей свт. Григория Богослова — в Слове XLIV, 11, где пчелы ставятся в при-

¹⁴ Bacci L. Api, formiche ed altri animali nel *Contra Celsum* di Origene (IV, 74-99) // La cultura scientifico-naturalistica... P. 109–126, p. 124–125.

¹⁵ S. Greg. *Theol. Oratio XXVIII*, 25 // PG 36. Col. 60C-D; отмечено в: Crimi C. Le api sapienti di Gregorio Nazianzeno // La cultura scientifico-naturalistica... P. 233–239, p. 234.

¹⁶ S. Greg. *Theol. Oratio XXVIII*, 25 // PG 36. Col. 60D.

¹⁷ Crimi C. Le api... P. 236.

¹⁸ Ibid. P. 239.

¹⁹ Иларион (Алфеев), митр. Прп. Симеон Новый Богослов и православное Предание. М., 2013. С. 179–180.

мер православным христианам — «пчелам Христовым» — как образец мудрости и трудолюбия²⁰. В конце фрагмента о пчелах великий учитель троического богословия восклицает: «Всё воспеваает и славит Бога глазами неизреченными...»²¹. Эти слова могли бы послужить эпиграфом и к анализируемому нами отрывку из св. Симеона.

Здесь можно не упоминать о богатой символике образа пчелы в языческой мифологии — за ненадобностью этой последней для св. Симеона. Образ пчелиного сота, столь любовно и вместе с тем научно-детализированно воспетый свт. Василием Великим и Григорием Богословом, иногда употребляется св. Симеоном применительно к праведной душе:

*Ведь для того и подвиг весь, все для того деянья,
Свершаемые нами — чтоб Божественному Свету
Причастными, как лампа, стать, душа, как сот единый,
Все силы если устремит на Свет сей неприступный* (1 Тим 6. 16)²².

В свете этого понятно, что образ пчелы получает у св. Симеона, как и у каппадокийских отцов, окраску более возвышенной ценности. Однако и образ паука призван воспеть единство и величие Промысла Божия как в великом, так и в малом — в соответствии со словами Спасителя: «Посмотрите на полевые лилии...» (Мф 6. 28–30). Это было в принципе важно для полемики с теми мыслителями, кто (подобно Александру Афродисийскому) отрицал Божественный Промысл об индивидах (не отрицая Промысла о родах)²³. Во времена, следующие за жизнью св. Симеона, отголоски подобных мнений можно найти у Иоанна Италя (Quaest. quodl. 20, 22), который полагал, что субстанции могут иметь статус случайного, но при этом случайное как таковое не есть самостоятельный род²⁴. Прямо или косвенно, но это мнение ставило под вопрос

²⁰ S. Greg. Theol. Oratio XLIV, 11 // PG 36. Col. 620B; Vacci L. Apri... P. 125. На образ пчел и улья у св. Григория повлиял, видимо, соответствующий фрагмент из 8-й проповеди «Шестоднева» св. Василия Великого (см.: Crimi C. Le apri... P. 235–236).

²¹ S. Greg. Theol. Oratio XLIV, 11 // PG 36. Col. 620B.

²² S. Sym. Novi Theol. Hymnus XXXIII // SC. 174. P. 422.130-133.

²³ Беневич Г. И. Краткая история «Промысла» от Платона до Максима Исповедника. СПб., 2013. (Σμάραυδος φιλοκαλίας; Византийская философия, 11). С. 47–49.

²⁴ Ioannes Italos. Quaestiones quodlibetales / ed. princeps von P. Joannou. Ettal, 1956. S. 21–24, bes. 22, 24; Иоанн Итал. Апоории / вступ. ст. и пер. с греч. А. Е. Карначёва. СПб., 2013. Вопрос 20, 22. С. 76–78 (особ. 78), 81–83 (особ. 83).

Из наблюдений над образом паука в 23-м «Гимне Божественной Любви»...

догмат (вытекающий из вышеприведенных слов Иисуса Христа) о всеобщности Промысла Божия, который распространяется, в том числе, и на единичные и случайные предметы и явления. И не вызревали ли предпосылки для таких мнений в византийской культуре еще раньше, при жизни великого поэта и мистика? Иными словами, каковы бы ни были мотивы св. Симеона (а они могли быть весьма и весьма серьезными), напомнить еще один раз о величии — даже в малом — Промысла Божия актуально всегда.

И в этом св. Симеон перекликается с древнейшими греческими мудрецами. В самом деле, еще Демокрит в V в. до н. э. писал, что в некоторых важнейших вещах люди стали учениками животных: «наука — в искусстве ткачества и штопания [тканей?] (*ἐν ὑφαντικῇ καὶ ἀκροστικῇ*), ласточки — в искусстве возведения построек...» (fr. 154 DK; курсив наш. — Д. М.)²⁵. И если образу ласточки была уготована долгая жизнь в европейской и русской поэзии (*Я слово позабыл, что я хотел сказать. / Слепая ласточка в чертог теней вернётся...*), то образу паука повезло намного меньше. Примечательно то, что Демокрит в своей интерпретации образа исходит очевидным и исключительным образом только из нужд человека, тогда как для св. Симеона паук — прежде всего живой (хотя и не разумный) свидетель величия Промысла Божия, а уже затем — в силу этой своей естественной «миссии» — образец трудовой деятельности и морального поведения для человека (как, в общем-то, и для Великих Каппадокийцев, которые прочитывают сквозь аналогичную призму и образ пчелы).

Понятно, что св. Симеон не читал Демокрита (это можно утверждать с высокой степенью вероятности). Тем показательнее, как высоко представители обеих составляющих греческой культуры — античной и православно-христианской — оценивают такое, казалось бы, бедное положительными «валентностями» и культурными смыслами членистоногое.

---

²⁵ Отмечено в: *Vassi L. Ari ...* P. 109–126, p. 124.